

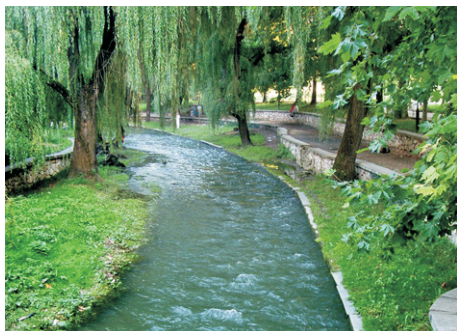
avdet

Издається с 15 юля 1990 года

www.avdet.org

№22 (861) 8 юня 2015 года

**Салгыр ялысында гузель шеэрим,
къадимий, эфсаневий Акъмесджитим**

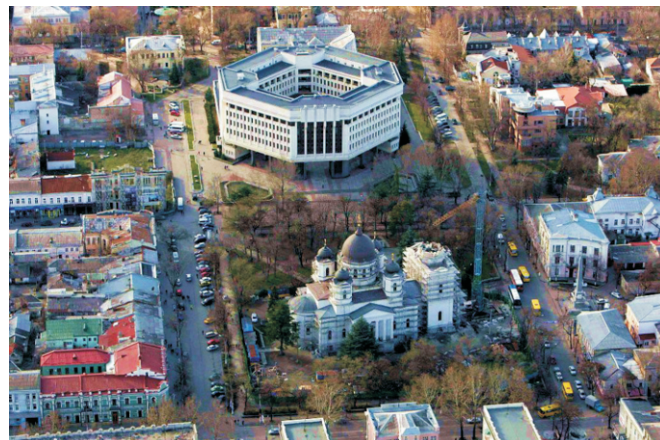
**Ах, Акъмесджит...
Умютим айдын, келир бир кунь,
къайтарылыр шанлы адынъ...**

**У Салгира город мой стоит,
древний и прекрасный Акъмесджит**

**Акъмесджит, Акъмесджит,
Я верю, этот день настанет.
Обретешь, ты свое имя вновь.**

«Къырымда яша!» Почему не надо уезжать из Крыма

У каждого поколения крымских татар есть своя миссия – у ровесников депортации – выжить, сохраниться, передать своим детям язык, традиции, религию. У родившихся в депортации – вернуть своих детей в Крым и дать им возможность для старта. У нового поколения тоже есть свои задачи – жить в Крыму, возродить культуру, обычаи, родной язык, привить своим детям национальную гордость и достоинство, научить жить и трудиться во благо Крыма. Кто напомним об этом нашей молодежи, которая со словами: «в Крыму делать нечего» собирает чемоданы в поисках иллюзорных «перспектив и воздуха свободы»?

Неприятно, но факт. Из Крыма стали уезжать не только те, кому физическое пребывание на полуострове грозит реальными сложностями правового характера – некоторые активисты, журналисты и общественные деятели. И этот отъезд уже носит массовый характер. В социальных сетях мы видим на фоне киевских декораций многочисленные фотографии молодых крымских татар, судя по всему, весьма довольных жизнью. Обязательный атрибут таких фотографий – развернутый крымскотатарский флаг, что с одной стороны радует – значит, предыдущие поколения привили любовь к национальным символам и патриотизм, а с другой стороны – вызывает как минимум два вопроса: почему вы, ребята, уехали из Крыма? Что угрожало лично вам?

О целях и жертвах

Давайте скажем честно, в Крыму и до событий марта 2014 года с перспективами для молодежи было трудно, но именно жесткая общественная установка в самом крымскотатарском социуме сдерживала многих желающих поискать удачи и возможности заработать. Раз крымский татарин – ищи возможность зарабатывать, живя на Родине –

не. Нельзя сказать, что не уезжали. Были и те, кто уехал и остался на чужбине, но были и те, кто, пройдя все огни и воды, возвращался, открывал здесь бизнес, создавал семьи, помогал родным. Немало и тех, кто, проживая и работая за пределами полуострова, заработанное вкладывал в

улю – в условиях дикого противостояния властей, рассыпающейся на глазах экономики, отсутствия денег, возможности заработать. И голодно было, и холодно, но радостно – мы дома! Сколько историй каждый из нас знает о том, как ведущие сотрудники предприятий были вынуждены переключи-

заться от своих амбиций и настаивать, призывать, агитировать своих сторонников не покидать родных краев?

Массово надевающие вышиванки крымские татары меня не радуют точно так же, как не радовали бы и крымские татары в кокошниках либо в турецких фесах. У нас есть своя национальная одежда, атрибуты, и вообще – крымские татары, прежде всего, – патриоты Крыма. Нашим лидерам мнений стоит задуматься о том, где проходит грань между патриотизмом и выражением политической позиции. Очевидно, что с людьми надо общаться на эти темы, в том числе и с помощью средств массовой информации.

Молодежи, уезжающей из Крыма, нужно объяснять, почему возвращение не будет таким же легким, как и отъезд.

Во-первых, с возрастом человек «обрастает» тем, что принято называть социальными связями – свой район, своя

работа, свой стоматолог, свой педиатр, свой круг общения. Рвать эти связи, особенно после формирования семьи и появления детей, крайне сложно и болезненно.

Во-вторых, влияние внешней среды часто недооценивается. В Крыму мы вместе, у нас есть среда общения, мы часть одного социума, одной языковой культуры, носители одних традиций. За пределами Крыма вы невольно становитесь частью другого социума. Хотите или нет, но начинаете жить по его правилам, подстраиваться под него. Особенно заметно будет это по детям, которым просто неоткуда будет выпитывать крымскотатарскую среду и поведенческие модели, которые привили вам.

В-третьих, не у всех получится найти себя на новом месте. Если тратить время и силы на развитие, то делайте это в лучшем из мест – в Крыму. Вростайте корнями здесь, где и горы помогут, и море подскажет, а родные и близкие всегда поддержат в сложных ситуациях.

Эрвин УМЕРОВ

25 лет тому назад эмигрировали в Турцию многие крымские татары. Тысячи из них погибли на чужбине; все разорились, а некоторые вернулись назад. Переселение дело тяжелое и опасное. Им увлекаться не следует. Каждый человек должен искать спокойствия и счастья на своей Родине, а не в бегстве!

«Терджиман», 21 сентября 1886 год.

стройку дома в Крыму. Чтобы обязательно вернуться. А что теперь?

«В Киеве дышится свободно», – объяснила свой переезд в столицу Украины одна крымскотатарская студентка. Но это лукавство. Цену и одновременно горечь того самого «воздуха свободы» могут понимать только люди, которые дорого за него заплатили: отсутствием возможности вкушать настоящий крымский кофе, видеть родных, наблюдать, как цветут крымские степи весной, каким ласковым и грозным может быть Черное море в разную погоду, какие фантастические пейзажи открываются с вершины Чатыр-Дагга ... Да и какая эта «свобода», если нет возможности вернуться домой?

Ради великой цели – жить в Крыму, растить своих детей в Крыму, дышать воздухом Крыма – молодые и полные тогда сил люди покидали хорошо обжитые за 50 лет депортации места, за бесценок продавали комфортные дома, уходили с престижных мест работ для того, чтобы на Родине начать жизнь с

фицироваться в водители автобусов, опытные хирурги, инженеры, педагоги шли работать в теплицы, а тонкие пальцы пианистов консерваторий превращались в грубые руки строителей во имя одной единственной задачи – дать своим детям возможность жить в Крыму. Так почему же новые поколения так легко забывают об этих жертвах?

Об установках и корнях

Прежние общественные установки в эпоху перемен ослабли, голос новых – например, «Къырымда яша!» («Живи в Крыму!») слаб. Перед крымскотатарским социумом стоит актуальная проблема. Молодежные лидеры (те, что стали ими благодаря своей харизме и работе, а не в силу своих связей) сегодня, к сожалению, сами покидают полуостров и становятся такими примерами для подражания и центрами притяжения для других молодых крымских татар. Уверен, что их деятельность будет продолжаться во благо народа в целом, но вот хватит ли у них мудрости где-то отка-

О переписи населения

В прошлом номере газеты Avdet опубликована прекрасная статья, посвященная животрепещущему вопросу истинной численности нашего народа в Крыму. В ней дана всеобъемлющая информация, по которой можно рассчитать количество наших соотечественников, проживающих на родной земле. Оказывается, все интересующие нас материалы имеются в госструктурах. И приблизительную численность нашего народа можно было вычислить, не дожидаясь переписи населения, которая обычно проходит раз в 10 лет. И, увы, в Украине она в 2010 году не была проведена. А внеочередная перепись населения, проведенная недавно, показала, что численность нашего народа даже ниже, чем в середине 90-х годов прошлого века. Это при том, что по приведенным данным за двухтысячные годы наблюдается значительное повышение рождаемости среди наших соотечественников. И этот параметр идет по нарастающей из года в год вплоть до 2010 года. Кроме того, приведенные цифры свидетельствуют о ежегодном, пусть и небольшом количестве возвращении наших соотечественников на свою родину.

К сказанному в статье хотелось бы добавить следующее. Из приведенных данных выясняется, что при последней переписи населения в 2014 году не были

учтены порядка 80 тыс. наших соотечественников (232.3 тыс. кр. татар по переписи и 300-320 тыс. по расчетным данным, приведенным в статье). Кроме того, при предыдущих переписях населения в Крыму численность жителей Севастополя давалась отдельно, как города федерального значения. В то же время численность нашего народа приводилась в процентном отношении к численности населения в Крыму без учета населения Севастополя. А в последней переписи общая численность населения в Крыму дана суммарной с жителями Севастополя. Отсюда, собственно, и вытекает разница в процентном отношении нашего населения 10% при нынешней переписи и 12% в середине 90-х годов. Хотя сама по себе и цифра 232.3 тыс. удивляет. Создается впечатление, что наша численность за 20 лет стояла на месте. Но это далеко не так. Попробуем же это показать на примере простого статистического анализа. Для наших расчетов нам необходимы следующие параметры. Численность населения в Крыму по последней переписи 2.2844 млн. чел. Назвав себя крымскими татарами 0.2323 мил. чел., что составляет 10.2% от общего числа жителей Крыма. Численность жителей Севастополя – приблизительно 0.3742 млн. чел.

Численность населения Крыма без учета жителей Севастополя – 1.9102 млн. чел. Неучтенных наших соотечественников порядка 80 тыс. чел. Надо иметь в виду, что в Севастополе проживает минимальное количество наших соотечественников. Поэтому при расчетах мы будем считать, что вся сумма проживающих крымских татар относится к населению Крыма без учета населения Севастополя. Для точности расчета процентного отношения численности нашего народа мы в обоих случаях к конечным цифрам должны добавлять 80 тыс. неучтенных соотечественников. Значит, общая

численность населения Крым равна $2.2844 + 0.08 = 2.3644$ млн. чел. Крымских татар $0.2323 + 0.08 = 0.3123$ млн. чел. В процентном отношении ко всему населению Крыма это будет выглядеть так: $0.3123 : 2.3644 = 13.2\%$.

Второй вариант. Число жителей Крым без учета жителей Севастополя, но с добавлением 80 тыс. неучтенных наших соотечественников будет равно $1.9102 + 0.08 = 1.99$ млн. чел. А в процентном отношении наша численность бу-

дет выглядеть так: $0.3123 : 1.99 = 15.7\%$. Я акцентирую на этом внимание, так как в предыдущие переписи учет велся без численности населения Севастополя, как города республиканского подчинения. Отсюда можно сделать вывод, что

численность нашего народа с 12% в середине 90-х годов повысилась до 15.7% И эта цифра отображает прирост нашей численности за счет повышения рождаемости и прибытия наших соотечественников на постоянное жительство на родину за 20 последних лет. Хотя надо отметить, что естественное переселение в 2000-х годах снизилось значительно, так как основная масса народа уже вернулась.

Энвер МУРАТ

Скончался правозащитник и диссидент Леонид Плющ

4 июня на 78-м году жизни во Франции скончался известный правозащитник, диссидент, один из борцов за права крымских татар Леонид Плющ. Вспомним о том, какой след он оставил в истории своей Родины и крымскотатарского народа.

Он стал одним из символов сопротивления советскому режиму. Леонид ПЛЮЩ – талантливый математик, публицист, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. За свою правозащитную деятельность он подвергался чрезвычайно жестоким преследованиям – его имя неизменно ассоциируется с таким позорным явлением истории СССР, как «карательная психиатрия».

По окончании мехмата Киевского университета молодой ученый Леонид Плющ работал инженером в Институте кибернетики Академии наук Украины, занимался моделированием биосистем, опубликовал на эту тему несколько научных статей, работал в новаторской области на стыке математики и биологии. В 1968 году он отправил в «Комсомольскую правду» резкое письмо, обвиняя газету в необъективном освещении политического процесса А. Гинзбурга и Ю. Галанскова, за что вскоре был уволен из Института с «волчьим билетом».

Вскоре Л.Плющ стал членом ИГ по защите прав человека в СССР, занимался самиздатом. 15 января 1972 года был арестован и помещен в следственный изолятор Киевского КГБ. Органы госбезопасности Украины славились своей свирепостью. Хотя Л.Плющ не состоял на психиатрическом учете и не страдал психическими расстройствами, он был направлен на психиатрическую экспертизу. Эксперты судебно-психиатрического отделения Киевской областной больницы признали его психически здоровым, однако спецы печально известного Института судебной психиатрии им. Сербского в Москве распознали у него нигде больше в мире не признанную форму душевного за-

болевания — «вялотекущую шизофрению». С подачи этих «врачей» психбольными в разные годы становились диссиденты Петр Григоренко, Наталья Горбаневская, Иван Яхимович.

15 июля 1973 года, спустя полтора года после ареста, Леонида Плюща доставили в Днепропетровскую специальную психиатрическую больницу (СПБ). С августа 1973 года ему назначают большие дозы галоперидола. Общительный и доброжелательный человек делается неузнаваемым, во время свидания с женой Татьяной он с трудом говорит, задыхается, корчится в судорогах... Вскоре он уже не в состоянии писать письма...

В течение двух с половиной лет психически здорового человека Леонида Плюща «лечили» препаратами, которые назначают буйным психически больным – галоперидолом, инсулином в возрастающей дозировке, большими дозами трифтазина. После уколов инсулина (ожида я инсулинового шока и судорог) его на несколько часов привязывают к кровати. В надежде, что эта регулярная пытка приведет к желаемым результатам, «врачи», а точнее палачи в белых халатах – проводили «оздоровительные» беседы, справляясь у Плюща, — не изменились ли его убеждения и не согласится ли он отречься от них в письменной форме?

Лишь длительная и упорная борьба жены Л.Плюща Татьяны, его соратников по демократическому движению привели к международной огласке дела.

В одном из своих относительно недавних интервью (2014 год) он вспоминал о крымскотатарском национальном движении. Приведем некоторые его цитаты, связанные с крымскотатарским национальным движением.

Крымскотатарское национальное движение достаточно рано вошло в общедемократическое. Уже первая легалистическая общесоюзная организация Инициативная группа защиты прав человека в СССР включала Мустафу Джемилева. Из Украины вошли мы с Генрихом Алтуняном, «марксисты», как и Костерин, и Григоренко, как и многие крымские татары. И, как и многие из них, постепенно изживающие марксистско-ленинские иллюзии. Эти иллюзии сыграли даже некоторую позитивную роль для становления правозащитной идеологии.

Власть упорно, грубо разрушала их, способствуя превращению иллюзий интернационализма и социалистической демократии в требование: «Соблюдайте свои собственные законы». В свою оче-

редь несоблюдение их властями раскрывало всю лживую сущность социалистической демократии и вынуждало обращаться к западной, то есть «буржуазной». Постепенно мы все осознали нашу основную задачу – разоблачение советского бесправия и развитие правового сознания в СССР: «имеем право – осуществляем его явочным порядком». Так от права на слово и печать перешли к праву на демонстрации, а затем и организации.

Предложение Григоренко создать организацию вызвало протест Якира и Красина («нас всех под одну гребенку загребут!»), но после ареста Петра Григорьевича они одними из первых вошли в Инициативную группу. Чуть раньше под влиянием крымскотатарских информационных бюллетеней, ставших существенной частью всесоюзного самиздата, возникла «Хроника текущих событий», посвященная правозащитной борьбе на всей территории СССР, самиздату и политическим репрессиям. Так, информационные бюллетени породили «Хронику...» и аналогичные журналы (например, «Украинский вестник»), но благодаря «Хронике...» крымскотатарские события получили общесоюзный и международный резонанс, подталкивая к осознанию национальной проблематики в СССР и за его пределами.

В Москве взаимосвязь общедемократического и крымскотатарского движений была теснейшая.

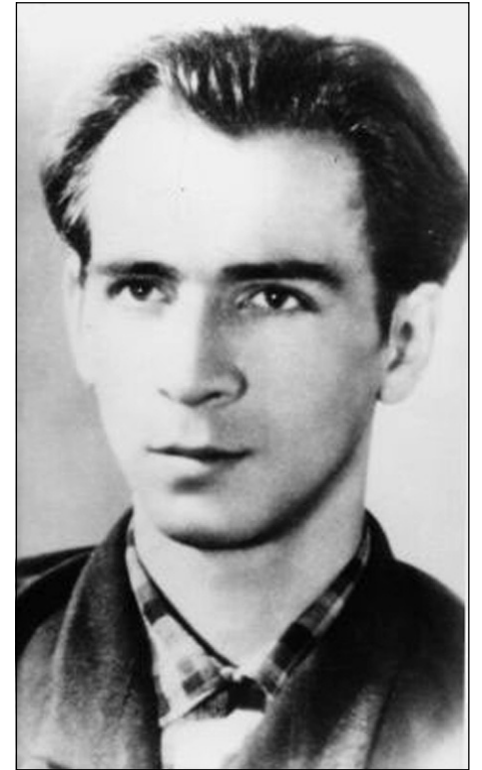
Несколько иначе было в Украине. Лишь в конце 1968-го года отдельные представители крымских татар стали приезжать в Киев, в частности, потому, что московские власти ссылались на нежелание руководства Украины пускать в Крым депортированных. А КГБ распространял слухи, что переселению в Крым препятствуют украинские националисты... В свою очередь в Крыму население пугали головорезами-татарами.

Наша квартира постепенно стала своеобразным посольством крымских татар в Киеве. Первыми приехали физик Роллан Кадыев и врач Зампира Асанова. Я постарался познакомиться их с «националистами» – с Иваном Дзюбой, Зиновией Франко, Борисом Антоенко-Давидовичем. С Зампирой мы ездили даже в Умань, где она познакомилась с двумя каторжанками сталинских лагерей, Олицкой и Суровцовой.

Так как в Крыму в это время разрушали памятники архитектуры крымскотатарского народа, то мы обошли и целый ряд представителей официальной украинской интеллигенции с просьбой противодействовать этому варварству. Трудно сказать, кто из них что сделал...

Украинское движение было уже достаточно сильно репрессировано и не могло оказать крымским татарам существенную поддержку. Да и само еще только выходило из этнографических пеленок, лишь становилось, как политическое дви-

жение. Эту ситуацию хорошо тогда понял Роллан Кадыев: «Политически Москва делает для нас больше, чем Киев, но украинцы нас лучше понимают».

И в этом одно из существенных отличий так называемого общедемократического движения от национально-демократических: для нас требование соблюдения права нации на самоопределение – существенная составная часть «прав человека». Русские демократы лишь в лице единиц, таких как Букковский, Горбаневская, Сахаров, Файнберг осознавали империалистическую природу антидемократизма советского строя... Однако нужно признать, что эти единицы в какой-то мере подготовили общественное сознание в СССР к мирному распаду империи.

Вскоре Кадыев был арестован и осужден. Осуждены были и другие наши гости, как, например, Гомер Баев. Но благодаря их приездам налачился обмен самиздатской литературой обеих народов. Помню, с каким интересом читали крымские татары одну из первых серьезных книг по национальному вопросу «Интернационализм или русификация?» Ивана Дзюбы. Обсуждение этой книги вынудило и меня, под самоироничным псевдонимом Малоросс написать серию самиздатских статей по нацвопросу, в частности о крымских татарах.

Более тесное сотрудничество между нашими движениями возникло в эмиграции, когда Айше Сейтмуратова вошла в Зарубежное представительство Украинской Хельсинской Группы, а Надия Светличная публиковала сообщения о крымскотатарском движении в «Віснику репресій в Україні».

По материалам сайта Крым и крымские татары (kirimtatar.com/)

Реплика

В прошлую пятницу после программы «Хаберлер» мне довелось посмотреть интервью, в котором затрагивались вопросы воспитания детей с точки зрения ислама. Молодая ведущая, судя по одеянию, «соблюдающая», как у нас принято говорить, брала интервью у такой же нашей соотечественницы. Тема действительно была интересная. Воспитание детей с точки зрения канонической веры дает много поучительного. Просмотрел я передачу с большим интересом и услышал много поучительного. В то же время меня удивило другое. Эта пере-

дача, как и «Хаберлер», ведется в рамках крымскотатарских передач на канале ГТРК «Крым», для которых выделяется определенное количество часов в неделю. Но почему же передача не ведется на родном языке, тем более что собеседницы им прекрасно владеют? Эта передача не познавательная, для широкого круга телезрителей, а предназначена конкретно для молодых родителей из числа наших соотечественников! В конце концов, на телевидении есть бегущая строка для перевода текста! Передача призвана воспитывать в молодых людях и детях любовь к Родине, языку, национальным традициям. А что как не родной

язык приумножает воздействие передачи на молодые умы! Все мы бьем в набат, что наше молодое поколение не вовлечено в должной степени в движение за освоение родного языка! Почему бы в эти 10-15 минут не дать нашим соотечественникам окунуться в национальную среду, почувствовать богатство родного языка? Так в чем же дело? Государство специально выделяет время на телевидении для ведения передач на нашем языке! Так давайте этим воспользуемся! За примером далеко ходить не надо. С прошлого года в Крыму стали транслировать канал ТНВ «Планета» на языке казанских татар. Все передачи, за

исключением некоторых коротких реклам и «Урока казанскотатарского языка», ведутся на родном языке. Что же нам мешает воспользоваться этим примером? Мне могут возразить, что Татарстан имеет статус автономной республики по национальному признаку, а мы этого не имеем. А мне кажется, что нет никакой регламентации не вести передачу на родном языке да еще религиозного характера. Просто кто-то на всякий случай перестраховывается непонятно от чего. А вопрос мой относится не к ведущим передачи, а к руководству вещания программ на нашем родном языке.

Энвер МУРАТ

В 1960-е годы легендарный танцор Аким Джемилев с помощью Ризы Фазыла и Али Черкеза выпускает первую книгу о хореографии крымских татар «Танцы ансамбля «Хайтарма», а через некоторое время фильмы «Танцует ансамбль «Хайтарма» и «Поет Сабрие Эреджепова».

Улицами Акъмесджита

Симферополь, или как его называли в недавнем прошлом наши предки – Акъмесджит, раскинулся в долине некогда полноводной реки Салгир. Как известно, в ханский период город брал свое начало с Петровской балки и по ее склону спускался в долину, замыкая свои пределы приблизительно в районе современных улиц Крылова (с юга), Карамимской (с запада) и Ленина (с севера). Усадьбы и поместья многих крымскотатарских мурз располагались в пригоро-

де, недалеко от дворца калги-султана, предположительно в районе современных улиц Воровского и Ялтинская. Известно, что и после аннексии Крыма Россией землями под Акъмесджитом владели крымскотатарские мурзы, к примеру, некоему Ватыры-ага принадлежала вся «Салгирская округа». Владели поместьями крымскотатарские мурзы не только за городом, многим принадлежали особняки и усадьбы в так называемом новом городе. Сегодня по улице Розы Люксембург, Карла Либнехта, Карла Маркса, Пушкинской, Горького, Гоголя, Желябова, Толстого и многим другим еще можно найти дома и особняки, некогда принадлежавшие крымским татарам. Однако этот факт по сей день упорно замалчивается, и в истории го-

рода фигурируют совершенно другие фамилии. А между тем, настоящими отцами столицы были Саид бей Булгаков, Мемет мурза Карашайский, переехавший из Кезлева Исмаил мурза Муфтизаде, Балатуковы, Рудзевичи, Булгаковы, Улановы и многие другие.

Сегодня в Симферополе более 630 улиц, 3 проспекта, множество переулков, тупиков, проездов и заездов. Население, по данным 2015 года, составляет 332 608 человек. А вот в середине XVII века жите-

лей было около 10 000 человек, не считая приезжих. Турецкий путешественник Эвлия-челеби отмечал в Акъмесджите две тысячи каменных домов, двести торговых лавок, пять больших мечетей, три монастыря и два медресе. По меркам своего времени Акъмесджит был большим городом. В период русско-турецкой войны (1768-1774) в нем проживали более 10 тыс. человек, было 1800 домов, множество постоянных дворов и 11 мечетей. По данным камерального описания Крыма, в 1783 году количество мечетей резко сократилось до семи, а домов до 308. По свидетельству П. Сумарокова, в 1803 году в Акъмесджите было 197 лавок, 12 кофеен, 13 постоянных дворов, 16 трактиров, 11 кузниц и 20 пекарен, следовательно, уже и количество жителей в несколько раз было больше.

С 1784 года Акъмесджит, не потеряв свой крымскотатарский колорит, стал составной частью и ядром нового города, получившего с легкой руки этнического грека Булгариса название Симферополь. Сразу же

после распада Крымского ханства для управления областью основными чиновниками стали и все влиятельные представители крымскотатарской знати. Указом от 28 февраля 1784 года высшему сословию Крыма – бейам и мурзам – были предоставлены все права и льготы российского дворянства, включая и сохранение за собой земельной собственности. Но об их деятельности мало что известно. Между тем, в конце XIX-XX веков появились крупные крымскотатарские промышленники. Их капитал оценивался в 15 миллиардов золотых рублей.

Итак, с 1784 года Акъмесджит-Симферополь становится столицей Таврической губернии. Большую часть населения по-прежнему составляли крымские татары, караимы, греки и крымчаки. Небольшой процент составляли переселенцы из России и колонисты. Большинство гостилиц и постоянных дворов губернского города принадлежали крымским татарам и немцам. А спустя десятилетия на планомерных, расположенных ниже по течению Салгира улицах Симферополя росли красивые особняки как крымскотатарского дворянства и интеллигенции, так и жилые дома переселенческого дворянства.

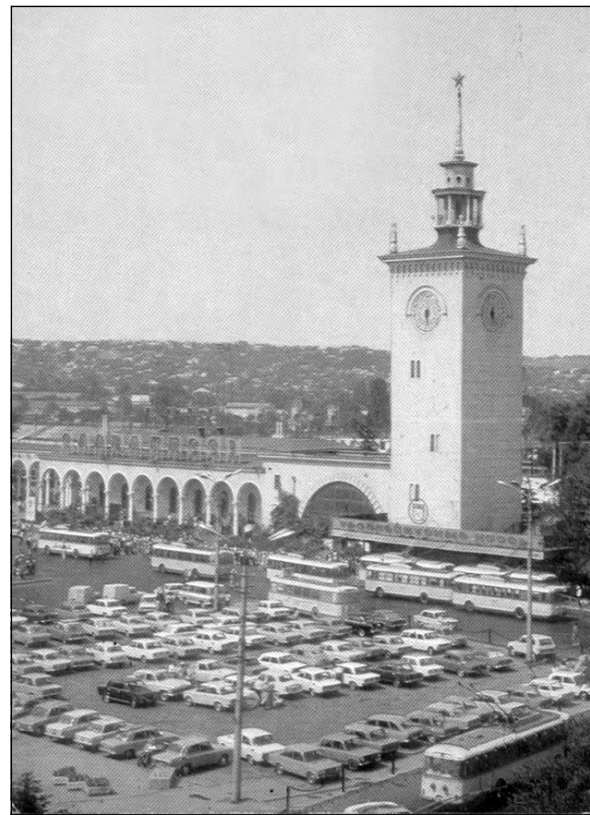
На одной из самых маленьких улиц в центре города - Ушинского (небольшой отрезок от проспекта Кирова до Пушкинской), под № 3, стоял одноэтажный дом, выстроенный в конце 80-х годов XVIII для областного прокурора Д. Лесли, который впоследствии подарил его Приказу общественного призрения. В этом доме 10 июля 1793 г. и было открыто первое в Таврической губернии среднее учебное заведение - народное училище. Именно в этом учебном заве-

дении получали образование дети крымскотатарского дворянства, и способствовал этому Таврический губернатор Б. Д. Мертваго.

Далее шла улица Александр-Невская (совр. Розы Люксембург). Сразу же за гостилицей «Украина» располагалась усадьба (улицы Жуковского - Р.Люксембург - Суворовский спуск - река Салгир), принадлежавшая крымскотатарскому мурзе Якубу Измаиловичу Рудзевичу. В 1785 году он перебрался из Карасубазара в Симферополь. Первые годы жил по улице Губернская № 1, 3 (ныне Желябова), а после, сохранив за собой прежнее землевладение, приобрел большой участок земли (от совр. дома 11 до дома 13 по нынешней ул. Р. Люксембург). После его смерти наследники - сын, внуки и правнуки с женами - построили здесь несколько зданий (№ 11, 11 а и 11 б). О том, когда именно построено их первое здание, сведений не сохранилось.

Наверное, современный Симферополь нельзя представить без одной из центральных улиц – Карла Маркса. И, конечно же, нельзя было ее представить без коренных жителей Крыма – крымских татар. Еще сто лет назад улице, носившую название сначала Полицейская, после Екатерининская, окаймляли красивые особняки столичной знати, среди которой было немало крымскотатарских семей. Сегодня некоторые дома, пережившие годы войны и депортацию, уцелели, но их история, к сожалению, навсегда осталась погребена в пламени пожара, уничтожившего часть симферопольского архива в начале войны. В конце XIX - начале XX в. городские власти стремились превратить эту улицу в образцовую. А домовладельцы соревновались друг с другом по роскоши и красоте домов. Шоссирована улица также была одной из первых - еще в 40-х годах XIX в. - вначале «грохоченым камнем», взятым из русла реки, потом гранитом, и только в начале следующего века улица была заасфальтирована. Как правило, большинство фешенебельных магазинов на Екатерининской принадлежали евреям и караимам: купцам Спиру, Ластига, Ланга, Шнейдера, Сарафа, Бухш-

таба и др. Дом № 3 принадлежал одному из первых электроосветителей города - купцу И. И. Черкесу. Угловой дом № 14, построенный в конце XIX века, сохранившийся и поныне в первоначаль-

ном виде, принадлежал крымскотатарскому купцу Семерджиеву. Нижний этаж занимали магазины, а верхние - были жилые. А в бывшем доме генерал-майора Ф.Ревелиоти под № 32 разместилась губернская мужская гимназия, именно в ней преподавал Исмаил бей Гаспринский. Сегодня это Гимназия № 1

Интересна своей

историей и соседняя с Екатерининской улица Долгоруковская (К. Либнехта). Первоначально она именовалась Дорога на Перекоп, после была переименована в Долгоруковскую. Улица застраивалась в основном в конце XIX столетия. Из первых зданий, сформировавших ее облик, можно отметить: дом врача А. Арента (№ 14), здание Симферопольского казенного винного склада (д. 38), лютеранскую кирху и школу при ней (д. 16), губернскую земскую управу (д. 2). А в 1913 году под № 35 улицу украсило здание

офицерского собрания Крымского конного полка, сегодня здесь размещился Художественный музей.

Крымский конный полк сформировался сразу же после присоединения Крыма к России. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года и последующих военных кампаниях.

Гульнара АБДУЛАЕВА

В 19 веке проводники на ЮБК считались привилегированными людьми: они ближе остальных крымских татар стояли к цивилизации, чаще и теснее других общались с русской аристократией. Слава о лучших проводниках передавалась от группы к группе, кто приезжал на экскурсии не в первый раз брали уже знакомого проводника, их часто фотографировали – как представителей экзотического татарского народа, о многих проводниках можно встретить упоминания в трудах путешественников. Некоторые из проводников сколачивали на своей работе приличный капитал, который затем пускали в собственное дело. Например, один из известнейших алуштинских садовладельцев начала XX века – Халиль-Муратов, в молодости служил проводником у приезжих туристов.

Обзор соцсетей: о топонимике и ксенофобии

В Крыму причудливо переплелись топонимика и ксенофобия. Что говорить, если сами названия населенных пунктов полуострова, насильно переименованных после депортации крымскотатарского народа, являются зримыми свидетельствами национальной нетерпимости, которая по-прежнему царит во многих умах. А потому любые попытки вернуть историческую топонимику и восстановить таким образом порушенную некогда справедливость натываются на ожесточенное сопротивление ксенофобов всех мастей.

Зубовный скрежет вызывают даже разговоры о самой возможности возвращения прежних названий населенных пунктов. Показательна в этом смысле полемика, которая развернулась после выхода интервью доктора исторических наук, доцента Крымского инженерно-педагогического университета Владимира Полякова.

Яна Амелина от Кавказский геополитический клуб
Секретарь-координатор в Кавказский геополитический клуб · 19 общих друзей · 27 Май в 13:18

Д.и.н. Владимир Поляков – о проблемах восстановления крымской топонимики. «Пока наши улицы будут носить имена (то есть прославлять) палачей и террористов, мы будем жить в прежней ментальности. ...Россия в значительно меньшей степени заражена татарофобией, чем крымское руководство, и понимает, что возвращение исторической топонимики, в основе которой лежат тюркские, греческие, германские лексемы, никоим образом не является уступкой межджису». — с Андреем Никифоровым и еще 17.

Крымская топонимика: выйти из тупика

О проблемах восстановления исторической крымской топонимики рассказывает доцент Крымского инженерно-педагогического университета, автор книг

Возвращать все 1062 названия населенных пунктов Крыма, переименованных после депортации, по мнению Полякова, нет необходимости. «К примеру, шесть сел носили название Кипчак, достаточно вернуть только одно из них», — считает ученый. Поляков сообщил, что при его участии уже составлен список исторических топонимов, которые необходимо вернуть обязательно. «Прежде всего, это те названия, которые были упомянуты еще путешественниками древности, названия, связанные с обороной Севастополя, Великой Отечественной войной. Их не много — всего 78», — рассказал он.

Поляков также отметил, что позицию лидеров Меджлиса и, прежде всего, Мустафы Джемилева в вопросе возвращения топонимики он никогда не считал конструктивной. «Выдвинутый в свое время Меджлисом лозунг: «Вернуть все и сразу» — антинаучный, — убежден ученый. — В этом случае мы должны вернуть Юдендорф, но сохранить Куйбышево и Кировское. К сожалению, топонимика как таковая Меджлис не интересовала, к ней прибегали только как к одному из инструментов политической борьбы».

В комментариях, оставленных под этой публикацией в Facebook, высказались крымские журналисты, политологи и краеведы. Аргументы противников восстановления исторической топонимики ничуть не отличаются от тех, что высказывались и 20 лет назад. Это все те же пропавшие нафлалином причитания о мнении большинства, с которым в этом вопросе надо считаться, и «исторических пластах» — мол, почему восстанавливать нужно именно крымскотатарские названия.

«В каждом случае должны решать жители конкретных населенных пунктов... Ведь каждое название — чуть копни, там такой ряд выстроится! и резонный вопрос: почему мы берем название из прошлого века, а не три-четыре-пять столетий назад? Считаю, что этот вопрос из области пиара конкретных личностей. Еще раз: поднимать этот вопрос должны только жители конкретных поселений», — пишет Наталья Гаврилева.

Андрей Никифоров вроде и не против возвращения исторических названий, но подходит к этому вопросу выборочно. Да и в успехе этой затеи он уже не уверен. «Лично я, кстати, только дватри переименования железно поддерживаю: Карасубазар (именно в такой версии, без извращения), Ички и Албат. Карасубазар — из-за бесспорной аутентичности этого названия и отсутствия предшествующего ему. Албат — поскольку я там родился, а Ички, поскольку там жил + это память о партизанах Великой Отечественной. Но все эти и другие, очевидные кому-то еще названия нужно было не втюхать как символы того, что «теперь, мол, власть не ваша», а терпеливо объяснять своим соседям. Был бы толк. А вот сейчас — попробуйте переименовать Белогорск. У этого названия уже есть своя легенда. Оно — символ русского Сопротивления. А наши символы мы никаким поляковым не сдадим. И раньше не сдавали, а уж теперь...»

«Ради Бога, давайте возвращать традиционные названия, там, где это оправдано. Только обязательно следует прикинуть, в какие деньги это станет, и кто будет платить», — пишет Юрий Москвин.

«Кефе до этого была Кафой, а до генуэзцев носила другое название, а до греков еще одно... А вот почему надо «татаризировать» полуостров в плане названий, почему немусульмане должны жить в Вакуфном переулке — загадка. Потом это еще и аукнется, когда русским начнут показывать на названия и говорить «ты у нас в Карасубазаре, а не у себя в Белогорске; везде татарские и мусульманские названия, тут не Россия». И в России это будет воспринято как полная антитеза «русской весне», — нагнетает страсти Владислав Мальцев.

Последнему оратору тут же аргументированно и доходчиво возразил Александр Горяинов: «И много вы знаете русских, которым показывают на названия и говорят «ты у нас в Инкермане,

а не у себя в Белокаменске» или «ты у нас в Коктебеле, а не у себя в Планерском»? А еще есть, скажем, Войково под Керчью, которое вполне себе русские местные жители по прошествии 60 лет по-прежнему именуют Катерлезом... Или Суворовское рядом с Евпаторией, которое тамошние русские часто называют Багай. И не боятся же ж...»

Горяинов ответил и на вопросы о том, почему следует восстанавливать именно довоенные названия населенных пунктов Крыма, а не те, что были раньше них: «Во-первых, потому что нужно отличать изменения названий, которые происходили на протяжении веков естественным путем и отражали историю населения пункта, от массового присвоения сверху по политическим мотивам в большинстве своем никак не связанных с историей и географией названий. Во-вторых, потому что у подавляющего большинства крымских сел известно только одно историческое название — то, которое оно носило с момента первого упоминания и до 1940-х годов. Сел, у которых зафиксированы изменения названий в досоветский период, довольно мало».

А с крымскими городами, по выражению Горяинова, вообще «очень интересные происходят фокусы»: «Вот Евпатория... Она ведёт отсчёт своего существования от древней Керкинитиды и не так давно праздновала 2500-летие, хотя от разрушения Керкинитиды до основания Гёзлева/Кезлева прошло несколько столетий, в течение которых городского поселения на этом месте не было. Да и территорию древней Керкинитиды современный город поглотил только в XIX веке. По логике надо бы вести отсчёт от основания Гёзлева. Но не хочется. Интересно, почему?»

Вот Симферополь... Он типа основан в 1784 году, хотя де-факто «основание» представляло собой переименование и постройку новых кварталов рядом с существующими. И сейчас мы имеем забавный казус, когда посреди основанного в 1784 году города стоит построенное в 1508 году здание. По идее, надо бы отсчёт существования города вести от основания если не Акмесджита, то Керменчика (если между ними не было очень большого временного зазора). Но, опять же, как-то не хочется.

А вот Судак. В отличие от Симферополя, современный Судак таки действительно де-факто основан в российское время, причём весьма поздно — на рубеже XIX — XX веков. В конце XVIII века средневековый город был практически полностью заброшен и от него ничего кроме стен крепости не сохранилось. В 1805 году в Судак было 33 человека населения, на подробной карте 1817 года населённого пункта вообще не значится, отмечены лишь «развалины Судака». В 1887 году в Судак было 133 жителя против 2324 человек в волостном центре — деревне Таракташ. И так и нет, считается, что де факто построенный сто лет назад Судак был основан в III веке н. э. Видимо, лишь потому, что название Судак сохранилось...»

Горяинов посетовал по поводу того, что вопрос возвращения исторических названий Крыма прочно привязывают к вопросу межнациональных отношений, причём «обе стороны». «Самый распространённый ход, который применяют люди, желающие заработать себе политический капитал на проблеме — это

перевод вопроса в межнациональную плоскость, — пишет он. — Делается это очень просто: нынешние названия объявляются русскими, а прежние исторические — татарскими. Соответственно, слышим мы, дело русских — защищать русские названия, а крымские татары пусть защищают татарские. И дальше всё идёт по уже набившему за много лет оскомину сценарию выяснения межнациональных отношений с обсуждениями, кто составляет большинство, а кто меньшинство, кто коренной, а кто некоренной, чьей родиной Крым является, а чьей не является и т. д.

А на самом деле тезис о противопоставлении современных «русских» и довоенных «татарских» названий в корне неверен. То есть понятно, конечно, что большая часть исторических названий, в особенности в степной и горной части полуострова имеет крымскотатарскую этимологию, это да... Но если всмотреться в довоенную карту Крыма внимательнее... Вот южный берег, мы видим тут Мелас (нынешнее Санаторное), Кастрополь (Береговое), Лимену (Голубой Залив), Капсихор (Морское)... Это — названия греческого происхождения. Переводим взгляд выше — вот Фрайлебен (Вольное), Юдендорф (Октябрьское), Хейрус (Дмитровка), Бейс-Лехем (Хлебное)... Это — названия на языках идиш и иврит, данные еврейскими поселенцами. Смотрим дальше — вот немецкое село Герценберг под Феодосией, именуемое сейчас Пионерским, вот русские Анновка и Семь Колодезей, превращённые большевиками в Коммунары и Ленино, вот Войо-Нова (Листовое) — возможно единственное в мире село, носившее имя на искусственном языке эсперанто. Вот Коклуз (Богатое Ущелье), Варнаутка (Гончарное), Хайто (Поворотное), Ускют (Приветное), происхождение названий которых скрыто в глубине веков, внятной их этимологии никто не предложил... Называть всё это пёстрое разнообразие, порождённое крымской землёй, «татарскими названиями», мягко говоря, некорректно. Перейдём теперь к современной карте. Здесь мы найдём Либкнехтовку, названную в честь немецкого коммуниста Карла Либкнехта, два Войковых, увековечивающих имя непосредственного организатора убийства в 1918 году российской императорской семьи Петра Войкова, четыре (!) Октябрьских, три Первомайских, три Фрунзе, Завет-Ленинский... Эти названия русские?

Да и вообще, тут стоит задуматься... Вот, например, Москва — это какое название, русское или нет? С одной стороны город основан русскими, с другой — название по-русски ничего не значит и очевидно происходит из какого-то другого языка. А Судак, Керчь, Гурзуф — это «чьи» названия? Непонятно... Что же это значит? А значит только одно — название не человек, и давать ему национальность некорректно в принципе. И деление крымских названий на «новые русские» и «старые татарские» также несостоятельно. Названия в Крыму делятся на крымские (естественные) и некрымские (искусственные). Первые — это те, которые дали своим городам и сёлам люди, жившие на этой земле. Люди всех национальностей, населявших полуостров. Вторые — это названия, выдуманные большевиками и в одночасье нанесённые на карту Крыма сталинскими указами. И тогда многие надуманные проблемы исчезают».

В своем интервью Владимир Поляков высказал также мысль о том, что «Россия в значительно меньшей степени заражена татарофобией, чем крымское руководство, и понимает, что возвращение исторической топонимики, в основе которой лежат тюркские, гречес-

Известный крымскотатарский писатель Эрвин Умеров вернулся в Крым, стоял в очередь на квартиру, так и не получив которой, скончался вследствие тяжелой болезни в Москве. Похоронен по собственному желанию на кладбище Абдал в Акмесджите.

кие, германские лексемы, никоим образом не является уступкой Меджлису». Косвенным подтверждением этой мысли стало появление на здании налоговой службы Симферополя двуязычной вывески, где название крымской столицы указано в ее крымскотатарской версии – Акъмесджит. Невинная, казалось бы, табличка вызвала у некоторых крымчан моральные страдания.

«Это просто ВЫЗОВ со стороны официальных органов – “акмесджит” Куда смотрит власть и лично “говорящая голова”?» – Вадим Мордашов.

Его пыл попытались остудить другие комментаторы. «Да что за истерика? Симферополь всегда по татарски назывался Акмесджит – Белая мечеть... Историю учите!», – написал Александр Савенко.

«Не забывайте, что у нас продекларировали крымскотатарский государственным языком, так что все законно», – добавила Гульзара Эминова.

Однако Мордашов не унимается: «Причём тут “историческое”?»

Есть ОФИЦИАЛЬНОЕ название, и госорганы ОБЯЗАНЫ применять только его. А то получается, что госорган выполнил “постановление” нелегального меджлиса “о переименовании Симферополя в Акмесджит”. А город русской славы Севастополь – в Ахтыяр...»

Любовь Останина начала апеллировать к законодательству РФ: «п. 3 ст. 8 Федерального закона О наименованиях географических объектов “3. Наименования географических объектов на дорожных и иных указателях на территории Российской Федерации пишутся на русском языке. При необходимости указанные наименования пишутся и на других языках народов Российской Федерации с учетом интересов населения соответствующих территорий, а также могут дублироваться буквами латинского алфавита”.. С учетом интересов населения города Симферополя – необходимо было опросить все население этого города, так вроде».

Алекс Бур принялся зло иронизировать: «Крымское ханство блин какое-то, а не Республика Крым)))»

Сергей Киселёв решил довести ситуацию до абсурда: «Если следовать логике тех, кто предлагает на вывесках государственных учреждений использовать неофициальные наименования, то, например, тогда Бахчисарай в документах, на картах, указателях и т.д. должен писаться на русском языке как “Садогородск”».

И все-таки часть комментаторов посчитала проблему надуманной, что не может не радовать. «Я не вижу здесь проблемы», – написал Игорь Мосолов.

«В конституции Крыма записано три государственных языка. В чем проблема? в том, что кто-то там не знает этих трех языков?» – соглашается Ольга Шамшурина.

«А в чём скандал то? – недоумевает Сергей Знаменский. – По-осетински Владикавказ, например, Дзуджыхъжу. Грозный по-чеченски Соьлжа-Гаала. И это официальные имена городов в языках, имеющих также официальный статус. Или там какая-то ошибка грамматическая?.. Крымско-татарское название Симферополя известно давно всем, кроме, почему-то, вас. Вы оспариваете право крымских татар называть город по-своему?»

Для меня, как для гражданина многонациональной России и жителя автономной республики ничего страшного в этом нет. Попоболь, которую испытывают от крымско-татарского названия Симферополя некоторые, мне смешна».

Похожие аргументы высказал Марк Болдырев: «А слова “Черногория”, “Montenegro” не смущают? Если смущают, то называть это государство надо “Црна гора” (с ударением на ... “р” в первом слове). А то как-то не здорово получается... А нарушения прав я тут не усматриваю. И не уподобляйтесь украинцам, которые рассказывали как по-русски писать слово “гривна”... А вот утверждение, что во всех языках топонимы называются симфонично – неверно. Вы же Грецию Грецией называете – и ничего. А Грузию не Сакартвело, а Грузией».

«Пусть на своем языке называют как хотят. Все равно ничего не понять. Лишь бы на почте понимали», – демонстрирует безразличие Irina Shvayakova.

Позицию, с которой наверняка согласится большинство крымских татар, высказал Asan Sakaev: «Дороги построены, сады посажены тишь да гладь – Божья благодать, Акмесджит так трудно упомянуть, конечно же Симферополь и букв меньше и не порусски, но всем понятно! Чего больше чем заняться нашей уважаемой интеллигенции? А что говорить о людях менее образованных, если у цвета и совести нации мозг закипает при виде нерусских названий? Как же обещанное возрождение топонимики Крыма? Или возмутиться мне по поводу речки Карасевки которая есть Карасу?».

О том, что бывает, когда смешиваются топонимика и ксенофобия, напомнил Иван Ампилогов:

Viktor Pushkar убежден, что городские сумасшедшие в какой-то мере являются выразителями невысказанных мыслей большинства. «Кому-то пришло в голову уничтожить надписи или модифицировать, обставить? Значит, зрители этого шоу в большинстве были отчасти согласны жить на Полуострове Россияночка. Только сказать вслух боялись. Партии Союз и Русский Блок состояли из почти таких же персонажей».

Украинские власти тем временем задумались о переименовании ряда населенных пунктов Крыма. Как заявили в Министерстве информационной политики Украины, менять названия будут в рамках закона о декоммунизации. Вот почему на первом этапе переименовать планируют только 69 городов, но в целом украинские власти собираются переименовать около тысячи населенных пунктов Крыма.

Заявление украинских властей сподвигло некоторых на выбор новых названий для крымских населенных пунктов.

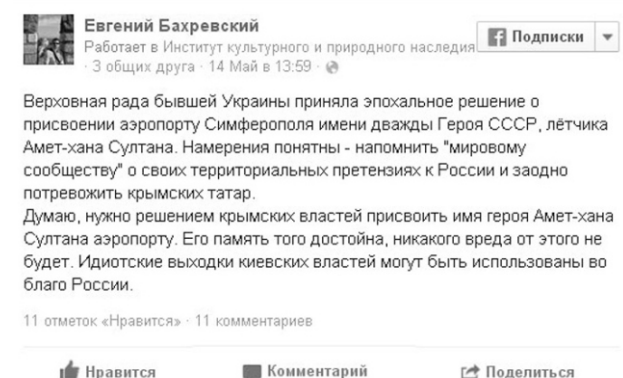
В комментариях под этим постом предложили переименовать Красноперекопск в Перекоп, Ишунь, Сивашск, Пятиозерск и даже Перекоп Ишуньский. Встречаются и совсем уж экзотические Титанск, Содоуск, Бромск.

Большие споры вызвала и другая инициатива украинских властей, уже внедренная в жизнь – присвоение аэропорту Симферополя имени прославленного летчика Амет-Хана Султана:

У Таврида Музафарова решение Верховной Рады вызвало смешанные чувства: «Да, ведь что-то им в штанах мешало сделать это полтора год назад. Верь власти после этого, конъюнктурные решения это не комильфо. Мы конечно рады, но радость неполноценная какая-то. Чувство такое что нашей памятью потроллили соседа».

Евгений Бахревский считает, что крымские власти должны последовать примеру их украинских коллег:

Всю абсурдность ситуации с нынешней крымской топонимикой показал Ali Tatar-zade:

Еще одним своим постом Ali Tatar-zade высмеял часто встречающийся и в Крыму аргумент о том, что нынешние названия населенных пунктов якобы уже прижились и привычны у местных жителей:

Текие дервишей в Евпатории (15-16 вв.) – единственный на территории бывшего СССР памятник такого рода, сохранившийся в первозданном виде. В 1930-е годы текие было закрыто и использовалось как складское помещение Черноморского флота.

Таш-Хан: караван-сарай в Старом Крыму

[Олекса ГАЙВОРОНСКИЙ]

Развалины караван-сарая Таш-Хан в Старом Крыму

Среди памятников Старого Крыма есть одно сооружение, которое является как бы противоположностью остальным. С ним, в отличие от «мечети Бейбарса» и Муск-Джами, не связаны красочные легенды, оно не окружено ореолом тайн и загадок. Эта постройка гораздо реже упоминается в журналах и путеводителях, чем прочие ордынские постройки Старого Крыма, и потому куда менее известна. Тем не менее, историческая значимость этого памятника исключительна.

Речь идет о развалинах Таш-Хана – средневекового постоялого двора для приезжавших в город купцов. В современном русском языке такие заведения традиционно называют «караван-сараями». Однако в ордынском и ханском Крыму термин «караван-сарай» употреблялся нечасто. Постоялые дворы здесь называли персидским словом «хан» («помещение, комната», к которому восходит и нынешнее крымскотатарское слово «hane»). Это слово было созвучно с тюркским титулом правителя («хан»), но, разумеется, для жителя страны, где ханы-правители и ханы-гости были не архаизмами из учебника истории, а повседневными реалиями, путаницы не возникало.

Вход в Таш-Хан, «Каменный Караван-сарай», расположен на удаленной от городского центра улице, за железной решетчатой калиткой. Место настолько неприметно, что его трудно отличить от сотен прочих уличных калиток в огородах. Огород мы и увидим, зайдя вовнутрь: он занимает обширный квадратный участок, по краям которого цветут яблони. Когда-то на его месте простиралась мощенная каменными плитами площадь, на которой стояли ряды повозок и толпились множество людей: купцов, мастеров, прислуги, охраны.

Широкий двор с трех сторон огражден полуразрушенными стенами с рядами узких отверстий ровно на половине высоты. Это и есть руины былого караван-сарая. Изначально к каменным стенам, со всех четырех сторон, изнутри были пристроены двухэтажные помещения. Их нижний этаж служил в качестве складов для товара, кухонь и загон для лошадей и верблюдов, а на верхнем располагались жилые комнаты для постояльцев с каменными каминами. Сохранившиеся отверстия в стенах – это гнезда для деревянных балок, на которые был настелен пол гостевых комнат.

В северо-западном углу двора заметны раскопанные остатки мощного квадратного фундамента. Это остатки угловой башни караван-сарая. Археологи выяснили, что внутреннее помещение этой башни было отделано цемянкой (плотным известковым раствором с толченым кирпичом). Такой водонепроницаемый раствор часто использовали и при строительстве бань; и его применение может указывать на то, что внутри башни мог находиться большой резервуар с водой. Таких башен в караван-сараях было четы-

ре, по одной на каждом углу сооружения. Согласно описаниям краеведов, они частично сохранялись еще в 19 веке.

Все эти детали складываются в общую картину изначального облика постройки: снаружи она имела вид глухой каменной «коробки» с толстыми стенами, высокими каменными башнями на углах, укрепленными воротами в южной стене и была очень похожа на крепость. А внутри этого защищенного пространства была устроена площадь, на которую выходили балконы и галереи жилых и подсобных пристроек.

Подобным образом строились караван-сарая и по всему Ближнему Востоку. Причина тому, что эти постройки возводились укрепленными, очевидна: ведь приезжавшие на городские рынки купцы привозили с собой множество ценного товара, который нуждался в складах и надежной охране. Во время разного рода потрясений – войн, нашествий, мятежей – караван-сарая с тоннами хранящегося в них ценного добра зачастую становились первым объектом грабежей. Потому торговые постоялые дворы и строили наподобие небольших крепостей. Как и в крепостях, в караван-сараях устраивали склады продовольствия и автономные источники воды на случай осады (остатки гончарных труб, подводивших воду, были найдены и здесь, в Таш-Хане), а в стенах и башнях прорезали бойницы для обстрела нападающих. При подобных мерах предосторожности хранившиеся в караван-сараях богатства становились очень легкой добычей для любых грабителей.

В ордынские времена здесь действительно могли скапливаться несметные количества ценнейшего добра. Археологические находки указывают, что расцвет торговли в Таш-Хане пришелся на первую половину 14 века – то есть, главным образом, на правление Узбек-хана. Именно в это время столица Крымского улуса превратилась в международный торговый центр. Этим она была обязана своему близкому соседству с лежащей в 20 километрах на морском берегу Кафрой (Кефе) – городом, которым по договору с ордынскими ханами владели итальянцы из Генуи. Восточное побережье полуострова стало для Крыма настоящим «окном в Европу». В каффинский порт прибывало множество итальянских торговых кораблей, и сходявшие с них на берег торговцы охотно скупали в Крыму разнообразные товары Востока. На суда грузили и местные крымские продукты (кожи, овчину, азовскую вяленую рыбу), и экзотические товары, привозимые сюда из Азии: шелк, хлопчатую ткань, золотую парчу, рис, сухофрукты, жемчуг из Индийского океана, перец и корицу с далеких индонезийских островов. С Европой город был связан не только по морю, но и по суше. От городских ворот начиналась хорошо известная европейским торговцам *Via Tartarica* (то есть, «Татарская дорога»): миновав Перекоп, она вела в Польское королевство – во Львов, а со львовского рынка товары Востока расходились далее, достигая Северной и Западной Европы.

А перевалочной базой, куда на караванах восточных купцов стекалось все разнообразие даров азиатского материка, и служила ордынская столица полуострова с ее несколькими караван-сараями. Архивные данные, находки иностран-

ных монет и предметов торговли раскрывают широкую географию связей, представленную на здешних рынках: это Генуя и другие города Италии, Византия, Франция, Персия, Турция, Левант, Кавказ, Средняя Азия и Северная Индия. Отголоски памяти об этих контактах звучат даже в городских легендах: недаром, например, в предании о Мускусной Мечети фигурируют индийские купцы, а сам мускус назван хотанским (Хотан – старинный торговый центр в нынешнем Уйгурстане, через который на запад поступали китайские товары, в том числе и добывавшийся в Северном Китае мускус).

Культурный слой (то есть, слои земли, напластовавшиеся в историческое время и содержащие в себе различные следы деятельности человека) под огородами Таш-Хана достигает толщины двух метров. Он еще далеко не полностью исследован археологами, но даже то, что уже обнаружено, говорит о богатстве и разнообразии здешней материальной культуры ордынского времени: на территории двора найдены следы стеклодувной мастерской, костяные поделки, зеркало, светильник, шахматные фигуры, осколки расписных сосудов с греческими монограммами и изображениями птиц, а также подвеска с рельефным изображением филина.

Несомненно, Таш-Хан был не единственным караван-сараяем в городе. Эвлия-челеби, конечно, преувеличивал, говоря о руинах «трехсот» ханов в Эски-Кырыме, но брать точную информацию ему было неоткуда: к его времени, 17 столетия, здешний центр торговли уже давно угас, старые постоялые дворы лежали в руинах и сосчитать их было непростой задачей. На самом деле, число таких заведений в одном городе едва ли могло превышать полдюжины. Зато нет причин сомневаться в данных, которые Эвлия приводит о караван-сараях, сооруженных в городах полуострова уже во времена Крымского ханства. Таких заведений по стране было множество. Постоялые дворцы для торговцев (порою и сразу по несколько) существовали в любом крымском городе и даже крупном селении, где существовал рынок.

Во времена Крымского ханства карта торговых связей Крыма сильно изменилась. Уже не существовало того уникального «Шелкового пути», что прежде связывал через Крым Европу и Азию. Турки, изгнав в 1475 г. с Черного моря генуэзцев, перерезали прямое морское сообщение Крыма с портами Средиземноморья, а русские, завоевав в середине 16 в. низовья Волги, окончательно перекрыли дорогу в Среднюю Азию (которая, впрочем, и до того уже почти опустела из-за смут в Золотой Орде). Крым выпал из широкой международной торговли, но караван-сараяи продолжали играть заметную роль в экономической жизни страны: теперь они обслуживали, главным образом, местных и турецких торговцев. Вместо запустевшего Эски-Кырыма в ханское время на первый план вышел новый торговый центр: Карасубазар, само название которого указывало на «основное ремесло» этого города.

Из десятков караван-сараяев эпохи Крымского ханства до наших дней дошли неперестроенными руины одного единственного: в Карасубазаре (помимо него, в нескольких местах полуострова есть еще несколько современных построек на фундаментах караван-сараяев, но различить в них старинные сооружения уже невозможно: они переделаны до неузнаваемости). Как и в Эски-Кырыме, карасубазарский постоялый двор назы-

вался Таш-Хан. Внутренне устройство карасубазарского Таш-Хана весьма схоже со старокрымским: там тоже есть центральная площадь (занятая ныне городским сквером) и высокая наружная стена, похожая на крепостную. Со внутренней стороны стены заметны остатки пристроенных к ней помещений; как и в Старом Крыму, они были двухэтажными. Согласно описанию Эвлии-челеби, в этом сооружении насчитывалось 120 помещений, четыре башни по углам, двое железных ворот и собственный источник воды. Караван-сарай не напрасно готовился к осаде: время от времени ему действительно приходилось выдерживать штурмы. В первой половине 17 века в Крыму стали обычным явлением налеты донских казаков, которые высаживались с лодок на азовском побережье и незаметно прокрадывались по малонаселенным степям к городу. Было несколько случаев, когда им удавалось пробиться в город и разграбить его, и тогда укрепленный караван-сарай становился просто незаменимым укрытием для находившихся в городе торговцев. Во времена Эвлии карасубазарский постоялый двор назывался «ханом Сефер-Гази-аги». Имя этого деятеля, занимавшего пост хан-агасы (крымский аналог турецкой должности везира), хорошо известно в крымской истории. Сефер-Гази-ага был и политическим деятелем, всерьез влиявшим на политику ханского двора, и меценатом: постройки, возведенные по его приказам (и, очевидно, за его счет), существовали в самых разных уголках полуострова. Имя выдающегося везира было высечено на мраморной плите при входе в карасубазарский караван-сарай. Эвлия приводит ее текст следующим образом: «Мудрый, как Асаф, Сефер-Гази-ага построил этот хан по законам геометрии. Увидев завершение постройки этого хана, сказал Фетхи: пусть будет тарихом «построил ага». В последних строках этой надписи буквами зашифрован год закладки плиты, повторенный рядом и цифрами: 1065 (т.е. 1654-55). Каким-то чудом эта мраморная плита до сих пор сохранилась на стене практически полностью разрушенного здания.

Развалины Таш-Хана в Старом Крыму – это малоизвестный, но исключительно важный для крымской истории памятник. Это – наглядное напоминание о процессе, который когда-то, без преувеличения, определил историческую судьбу Крыма и его коренного народа. Ведь именно благодаря своему статусу «открытых ворот» между Европой и Азией Крым разбогател, усилился, установил тесные связи с культурными центрами Европы и Ближнего Востока, вошел в сложную систему международных отношений и приобрел опыт существования как самостоятельного государства. К середине 15 века бывшие центры Золотой Орды лежали в руинах, опустошенные войной и разрухой, – а правители Крыма, имея постоянный и немалый доход от таможенных сборов с каффинского порта, были уже гораздо теснее связаны с Генуей, Венецией, Трапезундом и Стамбулом, чем с догорающими остатками Орды. Все это позволило Крымскому улусу превратиться из далекой окраины бывшей Монгольской империи в самостоятельное государство с самобытной цивилизацией: Крымское ханство. И свидетелем того, как происходило это чудесное превращение, являются полузабытые развалины ордынского постоялого двора на неприметной старокрымской улице.

Фото автора

Охотничий дом князей Юсуповых в Кок-Козе (Соколиное) был стилизован архитектором Н. Красновым под восточный «караван-сарай» с элементами ханского дворца и крымскотатарских хижин

Учитель

[Алие КЕНДЖЕ-АЛИ]

– Эдем, что там в окне? Птиц считаешь на ветке? – учитель обращался ко мне, но голос его звучал издали, как в тумане.

Вова ткнул меня в бок, и я словно очнулся.

– Эдем, слушай внимательно!

– Простите, Гафар-оджа.

Учитель смотрел на меня ясным чистым взглядом, его серые глаза выражали столько любви и доброты, что строгое выражение лица и жесткий голос уже ничего не значили. Для меня

домой из госпиталя, и тут Крым заняли немцы. Его участие в войне тщательно скрывали, иначе за это могли и убить. Мы приходили к нему домой и занимались грамматикой, математикой, ботаникой. Немцы были не против этого, часто сами заглядывали к нам и пытались повторять крымскотатарские слова...

– Все могут идти домой, а ты, Эдем, останься.

Вова посмотрел на меня жалеющим взглядом, Анифе хоть и злилась, но шепнула: «Подождем тебя на улице».

– Эдем, что с тобой происходит? Разве можно быть настолько в себе? Ты не слушаешь на уроке, как тебе не стыдно! Я опустил глаза и не знал, что ответить.

– Ничего не слышно от отца? – шепотом спросил учитель.

– Нет, ничего, совсем... Меня уже душили слёзы, и, почувствовав это, учитель положил руку мне на голову и сказал:

– Всё будет хорошо, Эдем, нужно быть сильными. Вернётся твой отец. И не смейся над Анифе, сейчас вы как никогда должны поддерживать друг друга и быть вместе, как кулак! Учитель сжал свою большую руку в кулак так, что побелели костяшки на пальцах. В его глазах стояли слёзы. Он обнял меня, прижал к себе и добавил: – Чтобы суффиксы все выучил! – мы оба засмеялись, и я выбежал за друзьями во двор.

На улице было солнечно и тепло. Весна! Наши уроки с учителем продолжались, теперь я старался быть внимательным и над Анифе перестал смеяться. Айше-апа, жена учителя, угощала нас маленькими лепёшками с молоком. У неё скоро должен был родиться малыш, но она так проворно выполняла всю домашнюю работу, ещё и на уроках у нас успевала сидеть.

Прошёл ещё месяц и немцев погнали из нашего родного Крыма. Теперь немецкие солдаты сменились советскими, вглядываясь в их лица, я в каждом пытался узнать своего отца. Вскоре от него пришло письмо, что он жив и здоров, и победа скоро будет за нами! Мы с мамой сидели и перечитывали письмо отца в сотый раз, когда к нам прибежала соседка и сказала:

– Назифе, к Гафару пришли солдаты... Кто-то «настучал» на него, кто-то из своих, не знаю, что теперь будет!

Пока мама и соседка вздыхали и охали, а я пробрался к двери и выскочил во двор. Через огороды и дворы по одному мне известным лапам пробрался к дому учителя. Двор был полон людей, солдат.

Я стоял, вжавшись в стену за углом дома, и не мог оторвать глаз от того, что происходит во дворе. Очень много людей вокруг Гафара-оджа, но мне хорошо его видно в свете фар военной машины. Выражение его лица такое спокойное, словно он сейчас начнёт свой урок и будет рассказывать этим людям о бабочках и жуках, как совсем недавно рассказывал нам. На моего

учителя долго кричат, но я плохо понимаю русский язык. Вдруг все солдаты отступают от него, и он остается стоять один. Спокойный, он стоит прямо, высоко подняв голову. И тут мне в уши бьёт громкий невыносимый звук выстрелов. Гафар-оджа падает, и мир плывёт перед моими глазами, и я перестаю чувствовать своё тело. Видимо, я потерял сознание и очнулся от пинка и крика солдата надо мной:

– Быстро вставай! Что ты здесь делаешь?!

Он схватил меня за ухо очень больно и куда-то потащил. Как оказалось, просто вышвырнуть меня со двора на улицу, где было много солдат и стояли машины.

– Этот щенок валялся под домом! – крикнул мой обидчик и скрылся в глубине двора.

Под строгими взглядами я побежал по улице в сторону своего дома, спотыкаясь и падая иногда. Я не плакал тогда, просто испытывал ужас. Смерть обдавала меня своим холодом, смерть стояла в моих глазах. Лицо учителя, слова приговора и выстрелы... Прямо у него во дворе! В это невозможно было поверить.

Все жители нашего села оплакивали учителя. Его расстреляли за то, что он как будто немцев учил у себя дома, организовывал для них школу. Но он учил нас, детей!

Жена Гафара-оджа Айше родила сына в ту ночь, но все говорили о том, как она плоха. Проходя мимо их дома, страшного теперь для меня места, я часто слышал громкий плач и даже вой этой несчастной женщины.

Скоро огромная беда ждала всех нас, и горе, и смерть пришли в каждую семью и в каждый дом. Чёрная несправедливость убила моего учителя, чёрная несправедливость выселила мой народ из родного Крыма. Остался в Крыму мой друг Вова, умерла по дороге в Узбекистан моя подруга Анифе. Отец нашёл нас через 4 года, больных и голодных.

Как часто в своей жизни я сжимал кулаки, вспоминая слова Гафара-оджа о том, что мы все должны быть вместе; когда я умирал от голода, когда терял одного за другим родных людей, я помнил лицо его перед смертью — бесстрашное, спокойное, честное.

Быть вместе, мой народ, как кулак! Во имя тех, кто умирал, во имя тех, кто умирал...

Художник Риза АБДУДЖЕМИЛЬ

он был образцом, идеалом. Сколько он всего знал и как интересно рассказывал! Теперь он собирал нас у себя дома и проводил уроки, сидя на широком сете, а мы располагались, где придётся: за низким деревянным столом, на подоконнике, на полу. Всё дело в том, что уже третий год шла война и в здании нашей школы создали штаб немецкие и румынские солдаты.

Я посмотрел на Анифе и засмеялся, потому что она сидела с открытым ртом. Анифе поняла, над чем я смеюсь и покраснела, а Гафар-оджа строго сказал мне:

– Встань, Эдем! И слушай стоя!

Сегодня точно был не мой день. Я стоял и слушал урок грамматики родного языка, учитель писал на самодельной доске суффиксы, и мы присоединяли их к словам, хором повторяя за Гафаром-оджа новые получившиеся слова. В какой-то момент я снова задумался, глядя на этого высокого тонкого человека с открытым одухотворённым лицом. Его глаза! Они жили жизнью светлой души учителя, в них то ярко вспыхивал огонь, то затухал, то бурлило море, когда они вдруг наполнялись слезами от увлечения рассказом, то молнии вдруг сверкали в них, когда мы не слушались его и вели себя плохо. При этом свет его глаз не гас, всегда выражая любовь к нам, ученикам. Кожа учителя сильно отдавала желтизной, здоровье было подорвано тяжёлым ранением ещё в 41 году, в боях под Севастополем. Гафар-оджа вернулся тогда

уроки с учителем продолжались, теперь я старался быть внимательным и над Анифе перестал смеяться. Айше-апа, жена учителя, угощала нас маленькими лепёшками с молоком. У неё скоро должен был родиться малыш, но она так проворно выполняла всю домашнюю работу, ещё и на уроках у нас успевала сидеть.

Прошёл ещё месяц и немцев погнали из нашего родного Крыма. Теперь немецкие солдаты сменились советскими, вглядываясь в их лица, я в каждом пытался узнать своего отца. Вскоре от него пришло письмо, что он жив и здоров, и победа скоро будет за нами! Мы с мамой сидели и перечитывали письмо отца в сотый раз, когда к нам прибежала соседка и сказала:

– Назифе, к Гафару пришли солдаты... Кто-то «настучал» на него, кто-то из своих, не знаю, что теперь будет!

Пока мама и соседка вздыхали и охали, а я пробрался к двери и выскочил во двор. Через огороды и дворы по одному мне известным лапам пробрался к дому учителя. Двор был полон людей, солдат.

Я стоял, вжавшись в стену за углом дома, и не мог оторвать глаз от того, что происходит во дворе. Очень много людей вокруг Гафара-оджа, но мне хорошо его видно в свете фар военной машины. Выражение его лица такое спокойное, словно он сейчас начнёт свой урок и будет рассказывать этим людям о бабочках и жуках, как совсем недавно рассказывал нам. На моего

Хайырлаймыз!

Земаневий эдебиятымызнынъ энъ семерели, махсулдар чалышкъан эрбапарымыздан бири, теджрибели языджи, сайгылы Риза ага Фазыл бу куньлери 86 яшыны толдура. Бедий хазинемизге буюк иссесини къошкъаны ичюн Риза агъамызгъа самимий миннетдарлыгъымызны бильдирип, хайырлы яшлар ве къавий сагълыкъ тилеймиз. Аллах файдалы ве хайырлы фаалиетинъиз ичюн сизден разы олсын ве даа нидже йылар девамында окъуйджыларынъызны къуwandырмагъа къысмет эйлесин!

Къырымтатар Миллий Къурултайнынъ МИК ёлбашчысы, белли эрбабымыз Заир бей Смедля бу куньлери догъгъан кунюни къайд эте. Туткъан ишлеринъизде мувафакъиетлер, янъы галелелер, тюкенмез сабыр ве метанет, эр бир инсангъа зарур тынчлыкъ-аманлыкъ, гонъюль раатлыгъы тилеймиз!

Avdet газетасынынъ муарририети

Севгили ве сайгылы ана ве бабамыз!

ичюн даима нюмуне олып. Алла-Таала сизлерге даа чокъ йыллыр бераберликте яшап, бизлерни торунларны севиндирмеге къысмет этсинь!

Тамилла ве Идрис, Гульнара ве Ленур, Эскендер ве Зарема ве торунлар

Сизлер ярым асыр, яни 50 йыл берабер яшап бу аджайып дюньянынъ, инсаниетнинъ дигерликлерине озьлеринъизнинъ салмакълы исселеринъизни къошкъанларынъыздан гъайры бизлерни де дюньягъа кетирип, осьтюрип, окъутуп, эвли-баркълы этмеге тырыштынъыз.

Бизлер балалы-чагъалы олып, къуш ювасында корьгенини япар, дегенлери киби, сизлер огрейнен эял елдан кетемиз. Сизинъ терен, мундериджели омюринъиз биз

По рисункам Нины Жаба печатали открытки, которые тысячными тиражами расходились по России. Этнографы утверждают, эти открытки брали с собой в места ссылки крымские татары. Вдали от родного края миниатюры, на которых художница с большой любовью запечатлела окрестности Бахчисарая и быт местных жителей, согревали души депортированных.

Главный редактор
Шевкет
Кайбулла

Адрес редакции:
95017 г. Симферополь, ул.Шмидта/
Набережная, 2/27, тел.: (0652) 27-21-10
e-mail: avdet2003@mail.ru
Свидетельство: КМ №232. 03.01.1996г.

Мнения, высказываемые авторами,
не всегда совпадают с позицией редакции.
Ответственность за точность изложенных
фактов несет автор. При перепечатке матери-
алов ссылка на газету «Авдет» обязательна.

Подписной индекс 30381
Печать ООО Полиграфический центр «Новая Эра»
ЧП Зайцев. г. Симферополь, ул. Чехова, 51.
Объем 1 п.л. Печать офсетная. Тираж 999 экз. Заказ № _____